

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НОВОГО
АЛФАВИТА

172
181

2

КУЛЬТУРА и
ПИСЬМЕННОСТЬ
ВОСТОКА

1/6/31

Книга X

ИЗДАНИЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
НОВОГО АЛФАВИТА ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ЦИК СССР

МОСКВА — 1931

2
1

АРАБСКОЕ НАРЕЧИЕ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

УСЛОВНОСТИ. Транскрипция: комбинаты с *h* = щелинные, с *j* = шипящие, с' = палатализованные, с₂ = напряженные; *ā, ǝ, ī* = передние гласные, *a°, ǝ, ī* = задние; *ā, ē, ī, u* = беглые; *^* = долгота; ' и ' = закрытие и сжатие гортани; | = граница слога.

Семиотика: > производит; < происходит * предполагается; || чередуется.

Сокращения: Jg, Jп = говоры кишлаков Джугары и Джейнау; М = месопотамское наречие новопотамского языка.

I. ВВЕДЕНИЕ.

1. Арабы Средней Азии. Как известно еще из истории Тимура (Тамерлана), написанной арабом Ибн-Арабшахом, знаменитый завоеватель выселил в Среднюю Азию большое количество арабов из Месопотамии и Сирии. Сам Ибн-Арабшах родом из Дамаска. Арабы выселялись десятками тысяч; преобладающий элемент — ремесленники. Часть выселяемых осела в промежуточных странах (так, в Афганистане), но основная масса арабов была направлена именно в Среднюю Азию. Отдельные группы арабов переселились в Узбекистан из Андхоя (Афганистан) в сравнительно недавнее время. В настоящее время статистика насчитывает в Средней Азии до 50.000 арабов.

2. Языковые отношения. Большинство современных арабов Средней Азии утратило свою родную речь и говорит теперь по таджикски или по узбекски. Конечно, родная речь исчезла у них не без следа: подбор и произношение арабских слов в их таджикских и узбекских говорах еще свидетельствуют о непосредственности их арабского источника. Меньшинство среднеазиатских арабов, однако, сохраняет арабскую речь до сих пор. Таких арабов насчитывается до 4000 (1). Эти арабы бесписьменны, но двуязычны; в обследованных

(1) В. Шибанов. Этнический состав населения Европейской части СССР (Ленинград 1930), стр. 124 и 289.

кишлаках они кроме своего родного языка говорили и по-таджикски. Однако, роль родного языка в советской национальной политике ничуть не умаляется двуязычием народности, а потому нужно думать, что выработка алфавита и литературного языка для советских арабов— дело времени. Само собой разумеется, что для правильного решения этой задачи необходимо изучить получше и самое наречие путем экспедиций на места.

3. **Запись говоров.** Первая и пока единственная запись арабской речи в Узбекистане опубликована Н. Н. Бурькиной и М. М. Измайловой⁽²⁾. Авторы обследовали кишлаки Джугары, Шахан-Баг и Джейнау, причем говор двух первых оказался одинаков. Обследовать прочие кишлаки с арабской речью не удалось за дальностью расстояний и дороговизной средств сообщения. Запись сделана с большой старательностью и упорностью, превозмогшими многочисленные препятствия, но, к сожалению, напечатана в весьма плачевном состоянии, изобилуя неясностями и погрешностями⁽³⁾. Приходится оговориться, что, комментируя в дальнейшем языковые данные упомянутой статьи с точки зрения арабской диалектологии, я принужден исправлять погрешности весьма условно: ведь статья является пока единственным источником по среднеазиатско-арабскому наречию!

В общем можно определить наше наречие как *таджикизованное и отчасти узбекизованное месопотамское наречие новоарабского языка.*

II. ФОНЕТИКА.

4. **Согласные.** В обследованных говорах обнаружено 27 согласных: *v, d, f, g, gh, h, h₂, k', k₂, kh, l', m, n, p, r, s, s₂, sj, t, t₂, th, tj, w, y, z, '.* Сравнительно с классическим арабским здесь прибавка двух иноязычных звуков (*p, tj*), утрата четырех исконных (*'*, *dh, d₂h, l₂*) и раздвоение одного исконного (*g₂ > g' k₂*). Кроме того, замечается ослабление артикуляции трех исконных звуков (*s₂, t₂, '.*), ведущее к совпадениям (*s₂ > s; t₂ > t; ' > нуль*).

а) Междузубные щелинные *th, dh, d₂h* вместе с шумнолатеральным *ʃ l₂*, которое в бедуинском и феллахском произношении совпадает с *d₂h*, отражаются в нашем наречии как *s, z*— под влиянием таджикского и узбекского. Звук *th* сохранился лишь в количественных речениях Джейнау (*ithnin* „2“, *thalath* „3“, *thamania* „8“). В незначительном количестве случаев замечается вклад городского сирийского наречия с отражением междузубных щелинных зазубными смычными: *talat* „3“ (Jg), *tamania* „8“ (Jg), *t₂aws* || *saws* „одежда“ (Jn), *hada* „этот“ (Jg, Jn), *makhed* „беру“ (Jg), *marid* „больной“ (Jg). Причины столь пестрого отражения выяснятся лишь при надлежащей проверке и пополнении материала на местах.

(2) Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашка-Дарьинского округа Узбекской ССР („Записки Коллегии Востоковедов“ V, 527—549).

(3) Эти недостатки таковы: 1. Сбивчивость в транскрипции (появляются неогорожденные знаки; редко, когда одно и то же слово написано два раза одинаково; смешение произносительных *g' h* и рукописных *m' ni*). 2. Неточность перевода (смешение лиц, чисел, родов, залогов; пропуски нужного и прибавки ненужного; недоразумения). 3. Отсутствие указаний о количестве и ударении.

б) Язычковый смычный g_2 , который у бедуинов и феллахов остается звонким ($g_2 \parallel g$), заменяется у большинства горожан глухим ($k_2 \parallel$). В Джейнау наблюдается g , как в Месопотамии; в Джугары — k_2 , как в Дамаске. Однако, в конце слова и перед глухими согласными $Jn g$ заглушается, напр. *digik* „мука“, *s₂addakt* „поверил (я, ты)“ <*dag₂ig₂*, *s₂addag₂t*.

в) Плавные согласные не только обмениваются, но и подменяют шумные.

Так,	<i>isil</i> „верблюды“ > <i>isir</i>	перс. <i>rû-mâl</i> „плагок“
	<i>ridjl</i> „нога“ > <i>idjl</i> <i>idjir</i>	> <i>lamal</i> <i>namal</i>
	<i>mukhtalit₂</i> „смешанный“	<i>al-amsi</i> „вчера“ > <i>namsi-ha</i>
	> <i>mukhtanit₂</i>	<i>laf₂h</i> „слово“ > <i>lamza</i>
	<i>naml</i> „муравьи“ > <i>limal</i>	<i>Sjāvâni</i> (племя) > <i>Sfejū-</i>
		<i>mant</i> .

г) Избыток круглогубной артикуляции (*wu*) расподобляется, напр. *wawr* „верблюжий пух“ > М. *wiwâr* > *wivar* || *ivar* „шерсть“.

д) Дифференциация согласных записана в случаях: *s₂uzv* „прямой“ || *s₂ayf* „верный“, *zak₂ar* „мужчина“ || *zakar* „баран“ вместо единых *s₂â'iv* „здравый“, *dhakar* „самец“.

е) Падение согласных наблюдается в случаях: *burgha* „блоха“, *fad* „некий; только“ < *burghûth*, *fard*. Случай *idjl* || *idjir* „нога“ < *ridjl* известен и в других наречиях.

5. Гласные. Не отмечая количества и ударения, авторы записи лишают нас возможности дать определенное суждение о вокализме нашего наречия. В записи встречаются гласные, транскрибированные так:

a, ä, e, i, ɔ ⁽⁴⁾, *o, ö, u, ü, ы.*

Однако, в записи указывается, что разница между гласными типа *a* и *o* шатка, например, говорят *ras* || *ros* „голова“, *yad* || *yod* „рука“, *âzn* || *azn* || *ozn* „ухо“ < *ra's*, *yad*, *udhn*. Можем прибавить от себя, что *ö, ü* появляются лишь в условиях палатализации, напр. *yöklun* „они едят“, *yüdj'a* „болит“ < *yâkulûn*, *yawdj'a*, и что *ë* или *ï* (*ы*) являются редуцированным гласным, весьма обычным в арабской речи вместо *i*. Таким образом нелегко выяснить, сколько гласных фонем различается в нашем наречии. В классическом арабском три различия по качеству (*A, I, U*) и два по количеству (краткость и долгота). В современных наречиях, где стяжение дифтонгов (*ay* > *ê*, *aw* > *ô*), получается пять различий по качеству. Хотя в записи количество не отмечено, можно думать, что его роль в нашем наречии понизилась или существенно изменилась, судя по возможности произносить *o* даже вместо краткого *a* и даже вне условий, вызывающих губное округление, напр. *yad* || *yod* „рука“, между тем, как *a* || *o* вместо долгого *â*, напр. *ras* || *ros* „голова“, внесено таджикским влиянием именно на почве долготы. Кстати, запись систематически сливает *nahr* „река“ и *nahâr* „день“ в единое *nahar*. Возможно, что в нашем наречии только три гласных фонемы: *a, i, u* с широким колебанием в этих пределах и с различием по ударенности и неударенности. Однако, алфавит должен будет иметь буквы *e, o* для передачи иноязычных слов; в записи есть *sowet* „совет“.

6. Слог. Деление на слоги в нашем наречии представляет интересные особенности, но требует дальнейшего притока материала для

(4) Напечатано всюду „ə“ (опечатка в 100% случаев). Под „ɔ“ разумеется типично иранский гласный *a^o* (перс. *â*). В записи чередование *a* || *ɔ* || *o*.

более точного исследования. Заметное еще в месопотамском наречии стремление к качественной однородности слога (губной согласный с губным гласным, негубной согласный с негубным гласным) в нашем наречии обостряется еще больше:

<i>ism</i> „имя“ < <i>ism</i>		<i>dihn</i> „сыр“ < <i>dihn</i> „масло“
<i>unf</i> „нос“ < <i>anf</i>		<i>azn</i> „ухо“ < <i>udhn</i>
<i>djufur</i> „колодец“ < <i>djafr</i>		<i>giddam</i> „перед“ < <i>g₂iddām</i> .

Но *is'mi* „мое имя“, *is'mak* „твое имя“.

Можно было бы ожидать стяжения дифтонгов. Оно и есть в одних случаях, напр. *veza* „яйцо“, *soda* „черная“ < *vaud,ha, sawdā'*, но его нет в других случаях, напр. *isneyn* „2“ (Jg), *zawdj* „супруг“. Точна ли запись? В месопотамском наречии есть говоры, в которых дифтонги стянулись в долгие гласные с узким призвук: *éⁱ*, *ô^u*. При колебании гласных в нашем наречии неудивительны всякие возможности в отношении дифтонгов.

Многие слова имеют в записи какие-то „лишние гласные“ в конце; морфологическая роль их весьма сомнительна. Вероятно, это скользящий призвук (off-glide), напр. *asjuf^a* „люблю<вижу“, *aktus^a* „пишу“.

III. СТРОЙ.

7. **Глагол.** Все категории новоарабского глагола в нашем наречии сохраняются (виды совершенный и несовершенный, породы, изменение по лицу, числу и роду, повелительное наклонение, причастия). Заслуживает внимания префикс *m-*, вводимый в Джугары как средство противозияния в форме „я“ несовершенного вида:

ANA	{	<i>maktus</i> „пишу“	< ANA	{	<i>aktus</i>
		<i>makhed</i> „беру“			<i>akhudh</i>
		<i>makhlu</i> „стригу“			<i>akhla</i> (<i>akhlt</i>)
		<i>mas₂s₂adik₂</i> „надеюсь“			<i>as₂t₂adik₂</i>
		<i>mak₂dir</i> „забочусь“			<i>ak₂dir</i> „уделяю“

Этим способом избегается зияние (hiatus) *aa* < *a'a*.

В Джейнау это соединение *a'a* обычно, хотя есть форма *ana va-kul* „ем“, где *v-* совпадает с обычным префиксом независимого несовершенного вида в сирийском и египетском наречиях, но вряд ли имеет ту же функцию.

Отметим еще повелительное наклонение *ukul* „ешь!“, *ukhuz* „возьми!“ (вместо обычных *kul*, *khudh*) по образцу *uktus* „пиши!“.

8. **Имя.** Можно отметить сохранение неопределенного члена *-in*, как в некоторых бедуинских говорах Аравии. Конечно, падежных различий он уже не выражает. Употребляется, повидимому, только в контексте, а не в паузе:

<i>okhtin kasir</i>	„старшая сестра“	< <i>ukht^{un} kastr</i>
<i>okht.n zaghir</i>	„младшая сестра“	< <i>ukht^{un}s₂aght^r</i>
<i>kalsin 'uk₂ur</i>	„злая собака“	< <i>kals^{un} 'uk²ur</i>
<i>martin dora</i>	„беременная“	< <i>mar'at^{un} dawra'</i>
<i>tjajn azrak</i>	„зеленый чай“	(иноязычное слово)
<i>akatin kasir</i>	„старший брат“	(узбекское слово)

Есть ли фонетическая разница от множественного правильного числа *-in*, из записи не явствует.

Уменьшительное образуется иранским суффиксом *-ik*, напр. *insiki* „моя женушка“, *gidrikin* „котелок“ (с неопр. чл.), *h₂alikkak* „твое положеньице“. Вероятно иранского происхождения и суффикс некоторых прилагательных: *dju'an kin* „несчастный“ <*dju'an* „голодный“, *zinkin* „добрый“ <*zên* „прекрасный“. Иранским является и наречный суффикс *-ha*, напр. *namsiha* „вечером“ <*al-amsi* „вчера“ (см. § 4 в). Есть случаи, напоминающие персидский изафет, напр. *ros i djabal* „вершина горы“, но см. выше § 6, конец.

Местоименный суффикс *-hu* „его“ (М. *-äh*) представлен в форме *-a* после имени, но *-na* после глагола (по образцу *-i* „мой“ || *-ni* „меня“), напр. *ruh₂u* „дух его“, но *mih₂t₂ina* „дал его“ (<*mu't₂i* + суфф.). Есть ли фонетическая разница от *-na* „наш, нас“, из записи не явствует.

9. Частицы. Предлоги и союзы в нашем наречии, как и в месопотамском, употребляются реже, чем в других наречиях. При этом предлог *li* получил весьма широкое значение (вроде универсального предлога *je* в эсперанто, *ye* в идо). Часто вообще не находим предлога там, где он ожидается (см. тексты, § 15). Особенность представляет тип сложных частиц, *isjko* „где?“, *misjko* „откуда?“, *isjwo* „как?“, в составе которых находится *aysj* <*ayyu sjay* „что за?“. Тип очень распространен в месопотамском наречии, но самые слова оригинальны.

10. Синтаксис. Таджикское и отчасти узбекское влияние так переделали синтаксис нашего наречия, что в арабскую диалектологию придется вписать несколько непредвиденных страниц.

а. Порядок слов в систематически следует схеме „подлежащее, дополнение, сказуемое“, напр. *ana tjayn azrak zinn asjuf* „я чай зеленый очень люблю“. При невыраженности подлежащего дополнение всё-же предшествует сказуемому, напр.: *vat₂t₂ikh ukhuz, h₂elu kthir* „дыню возьми, сладкая очень“; *uguv gidir ma mih₂t₂ina* „потом котел не отдал“ (см. § 8, конец). Само собой разумеется, что дополнение в виде местоименного суффикса всегда после глагола или частицы („не отдал-его“).

б. Сложные слова, чуждые семитским языкам, в нашем наречии имеются и строятся на индоевропейский образец, например *khuzza-mat₂bakh* „хлебо-печь“, *sjiva'* „купец“ (*sj* „товар“ <*sjay* „вещь“; *va'* „продает, продал, продаст“).

в. Ввод прямой и косвенной речи происходит одинаково посредством иранского *ki* (ك), напр. *'ayan ki gamar vayan* „увидел, что месяц светит“; *hamsa²ya gayl ki äfändim gidir eh₂t₂u* „сосед говорит (что): сударь, котел отдайте“.

г. Вопрос выражается узбекской частицей *-mi*, напр. *gidir yimut mi?* „котел умирает-ли?“.

д. Выделение (partitivus), если не ошибаюсь, может выражаться точной копией узбекского ablativ'a, напр. *tudja²r min agwa* „купцов из сильнейший“.

е. Согласование в лице, числе и роде иногда отклоняется от обычной арабской нормы, напр. *min faras udja, idjli inkasarat* „с лошади упав, нога моя сломалась“ (упало первое лицо, а выражено третье). После числительного стоит единственное число, напр. *ithnin gidir* „два котла“; но следует отметить и такое сочетание: *arva'a djayrin, kasir sayrin* „четверо поселились, размножились“ (здесь персонифицированное числительное и сложный глагол „велик-сделались“).

IV. СЛОВАРЬ.

11. Арабский материал. Основу и большинство словаря нашего наречия составляет арабский материал, в котором немало элементов, встречающихся лишь в месопотамском наречии или в месопотамском с аравийским. Так, *maki* „нет“ <М. *mâkû* (отрицание *mâ* и своеобразная связка *âkû*); *fad* „только“ и в смысле неопределенного члена <М. *fârd*; *nasia* „самка“ <М. *nithya*; *'ark* „война“ <М. *'arka* „борьба“; *t₂arasj* „ехал“ <М. и арав. *t₂aresj*; *uguv* „после“ <М. и арав. *'og*’в, *'og*’в.

Интересны для историка термины огнестрельного оружия, еще неизвестного при Тимуре: *nasjiva* „пуля“, *kama*^{оп} и *mizarek* „ружье“, представляющие обычные термины холодного оружия: М. *nisjâve* „стрела“, перс. *katân* „лук“, араб. *mazârik₂* „дротики“. Любопытно и *arizz^а* „деньги, серебряные деньги“ <араб. *aruzz* „рис“.

Встречаются и очень редкие арабские слова; напр. *khabzarat* „говорят“ <*khazrabât* „дикие бредни“, которое в туземном словаре *Lisân al-'Aras* приводится без подтверждающего материала.

12. Иноязычный вклад. Словарь нашего наречия содержит большое количество иранского материала и небольшое количество тюркского. В иранском материале приходится различать старый вклад из персидского, имеющийся и в месопотамском (напр. *îrisem* „шелк“, *ham* „также“), и новый вклад из таджикского, отсутствующий в месопотамском (напр. *nasira* „внук“, *duka^р[d]* „ножницы“). Связь с Афганистаном дает и кое-что афганское (*lolo* „брат матери“, *koko* „старший брат“). В тюркском материале есть старые османизмы, известные в месопотамском (напр. *dughrî* „прямо“, *k₂âli* „оставшийся“), но больше нового вклада из узбекского (напр. *âlarzak* „браслет“, *yasj* „молодой“). Некоторые слова записи представляют, очевидно, смесь элементов; напр. *hamalyom* (=перс. *hama*+араб. *l-yôm*) „ежедневно“⁽⁵⁾.

V. ПРОБЛЕМА ПИСЬМЕННОСТИ.

13. Алфавит. Приспособление Нового Алфавита к арабскому наречию Средней Азии требует точного выяснения фонематического состава, тогда как запись, которой мы пользуемся, позволяет лишь приблизительное выяснение. Поэтому, можно пока наметить только такой алфавит:

Aa	Bb	Cc	Çç	Dd	Ee	Ff	Gg
ا	ب	ج	چ	د	ه	ف	
Q q	Hh	Hh	Ii	Jj	Kk	Ll	Mm
غ	ه	ح	ي	ك	ل	م	
Nn	Oo	Pp	Qq	Rr	Ss	Ss	Şş
ن	و	پ	ق	ر	س	ص	ش
Tt	Tl	Ъъ	Uu	Vv	Xx	Zz	'
ت	ط	ث	.....	و	خ	ز	ع

(5) В переводе авторов: „сегодня“. Вообще переводы у них не всегда вразумительны; напр. *bal vet manzara soulna* „окно над дверью“, но кажется, что здесь другой смысл: „слова *bal'vet* (полуперевод перс. *vâlâ-khânâ* „бельведер“) и *manzara* (арабский синоним от корня *نظر*) значат то-же (*saw l^о-nâ* „равно для нас“).

Курсивом выделены буквы, требующие особого начертания, которое надо еще обсудить. Желательны пересеченные буквы, как в алфавите Международной фонетической ассоциации: ħ и т. д.; такое „ħ“ принято уже в Новом Алфавите для дагестанских и еще некоторых языков. Возможно, что разница между Qq и Gg, которая известна нам как местная (см. § 46), окажется необходимой для передачи иноязычных слов—таджикских, узбекских и даже русских. Если нет, тогда нужно принять Gg для *gh* (غ) и изъять вовсе Qq. Знаком для ‘ (ع) лучше принять апостроф ‘ (как в арабизмах таджикского и узбекского), чем разновидность „ħ“, принятую для дагестанских языков, ибо в нашем наречии звук ‘ ослабел и исчезает. Знак ЪЪ не понадобится, если *th* (ث) является лишь местным да и то слишком редким (см. § 4а); в крайнем случае можно использовать комбинат Th или Ts, но, если подтвердится, что *th* устойчиво лишь в числительных, тогда знаком будет ..... цифра (2, 3, 8). Вопрос о гласных требует выяснения на местах (см. §§ 5 и 6), но имеем в запасе еще Ээ, Өө, Уу, Ъь.

Для сравнения привожу свой старый проект „вездепечатной латиницы для зарубежных арабов“:

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	Запасные знаки		
ا	ب	ش	ظ	ذ	ف	غ	ح	ا	ج	ك	ل		á ê í ó û (долгие)	
M	N	O	P	Q	R	S	T	U	V	W	X	Y	Z	dh th (междузубные)
م	ن	و	ق	ر	س	ط	ث	و	خ	و	ز	ي	ع	

В основу принято сирийское городское произношение (см. § 4а). Для экономии букв использован принцип „окраски гласных“ и необозначения количества гласных—как в мальтийском. J=zj (ж).

14. Литературный язык. Использовать для арабов Средней Азии обычный литературный арабский язык представляется невозможным даже в латинизованном написании: потребовалось бы изучать этот язык как иностранный. Значит, нужно создать свой литературный язык на основе живых говоров. Предстоит решение нескольких довольно трудных вопросов: 1) какой говор положить в основу?; 2) откуда почерпать культурную терминологию?; 3) какой принцип положить в основу орфографии? На первый вопрос ответит обследование говоров на местах. На второй вопрос можно ответить предположительно, что источником будет таджикский литературный язык (особенно его арабский вклад). На третий вопрос, который касается преимущественно вокализма, ответим советом: писать только *фонемы*, не смущаясь меной *слышимых оттенков* в столь широких пределах, как e-ä-a-a°-ø (фонема A); ведь это вполне обычно для арабской речи!

15. Образцы. Ниже привожу образцы, взяв их из записи Бурыкиной и Измайловой, снабдив буквальным подстрочным переводом и некоторыми замечаниями. Применяя вышеприведенный проект приспособления Нового Алфавита, пользуюсь *курсивом* для замены технически затруднительных знаков (м. § 13), обобщаю написания гласных (см. § 14 конец) и ввожу условное исправление погрешностей (см. § 3). G всюду=*ġ.gh*.

а. Говор кишлака Джугары ($q=k_2$).

Min Anxuj çajñ, ziyarat mazar Bahaiddin. Min ki çajñ,
Из Андохя пришли, посетить мазар Беха-ул-Дина. Те что пришли,
aman çajñ; qadim vatan savin, qadim. 'Anna⁽⁶⁾ min
(за) защитой пришли; давно (с) родиной поравнялись, давно. Есть у нас кто
çaj, qali va la sajñ. 'Anna mimma arva' qajrin —kavir sajrin.
пришел, остался и не ушел. У нас с тех пор четверо поселились — размножились.

б. Говор кишлака Джейнау ($q=g$).

1. Afandi muftah hamsajat ahad qidir çazi. Saharija isnin qidir
Господин у⁽⁷⁾ соседа один котел занял. Наутро два⁽⁸⁾ котла
sadna, vaddina, mihtina. Hamsaja qajl ki: ana fad qidrikin minzina,
добыл, принес, отдал⁽⁹⁾. Сосед говорит [что] я лишь котелок дал⁽¹⁰⁾,
inti isnin qidir çivtu, ahtajtu. Afandi qajl ki: qidirkum ulud. Saharija
Вы два котла принесли отдали. Г-н говорит [что] котел Ваш родил. Наутро
vahid çaj; uqub ma mihtina. Hamsaja qajl ki: afandim, qidir
(за) одним пришел; после не отдал его. Сосед говорит [что] сударь, котел
ahtu! Afandi uçiv qajl ki: qidirkum mat. Hamsaja qajl ki: qidir
отдайте! Г-н ответил говоря [что] котел Ваш умер. Сосед говорит [что] котел
jimut mi? Afandi qajl ki: qidir jilid mi, jimut mi, qult ULUD—
умирает ли? Г-н говорит [что] котел рождает ли, умирает ли, я сказал РОДИЛ—
halani saddaqt; MAT—halani ma saddaqt. Maki mi? Tamam.
мне поверил ты; УМЕР— мне не повери ты. Не так ли? Конеч.

2. Afandi moja hazan, li çufur qadam. Li çufur 'ajan ki qamar
Г-н воды жаждал, к колодцу подошел. В колодце увидел, что месяц
vajan. Qal ki: havil la canca xalac! Idruni çufur qaddam.
светит. Сказал [что] веревка с (д) черпаком вытащит! Внутрь колодца погрузил.
Canca 'ala kam haçar lavak. Il havil çara, ma ça. Qal ki: il qamar
Черпак за несколько камней задел. Веревка ушла, не идет. Сказал [что] месяц
ha-sa'at la! U hu min haçar azall, fat çara la. Uqa' qa';
сейчас у ней! А он (черпак) с камня соскольз, сорвался к нему. Пал наземь
'ajan ki qamar li sama. Uquf, uqub qal ki: A, lima kajñ açir, 'aks
увидел, что месяц на небе. Встал, затем сказал [что] эх, зачем я спасал, не
aki mi? Tamam.
так ли? Конеч.

3. Afandi li ihmar taraşa, lil hamil li nus darv min havl fat.
Г-н на осле ехал, при грузе на полпути из сил вышел.
Tuççar min aqva 'la hek qajl ki: afandim, ... li ihmar sar?
Купцов из сильнейший про это(?) говорит [что] сударь, что с ослом стало?

(6) М. 'adnâ < 'and-nâ.

(7) Скорее *maftah*, „кладовая“, чем *miftah*, „ключ“; сравни *kastal* جڭل „около“ <узб. جڭل (qabtal) „ребра; бок; спина животного ниже позвоночного хребта“.(8) Собственно *ihnin*.

(9) О -na см. § 8, конц.

(10) М. *nt₂y* || 't₂v; в нашем наречии 't₂y > h₂t₂y „давать“.

Afandi qajl ki: madri⁽¹¹⁾. Taçir fad miqdar navşatir mihti, qajl ki: Г-н говорит [что] не знаю. Купец немножко нашатыря дал, говоря [что].
 И dubur iħmarak iħşa⁽¹²⁾! Uqub li dubur iħmar xaşina. Uqub iħmar к заду осла твоего приложи! Затем к заду осла приложил. Вот осел dugri ħarik li taraşa qazimna min fizi'. Uqub afandi li dubur ruħa ham прямо побежал в путь прыгая(?) от страха. Затем г-н к заду своему тоже fad miqdar xaşi; dubura ħarik min iħmar; 'avir mat. Limma kan немножко приложил; зад его бежит как(?) осел; чуть не умер. Когда был ruħa-hala, uqub mart afandi qajla ki: li iħmarak ruħak jıştahir. восвояси, то жена г-на говорит [что] в осла своего ты сам обратился.
 Afandi uqub qajl ki: inti ham fad miqdar li duburak aħşi, uqub Г-н же говорит [что] ты тоже немножко к заду своему приложи, тогда tidrin! Tamam.

узнаёшь! Конец.

(11) Из *mā adrl*.

(12) Корень, очевидно, غشى *gh-sj-y* „покрывать“, но с ассимиляцией по голосу (*ghsj > khsj*), как عطى 't₂y „давать“ в нашем же наречии *>h₂t₂y*.

ЯЗЫКИ СОВЕТСКОГО ПАМИРА

Несмотря на то, что после решения XVI съезда ВКП(б) по национальному вопросу, не должно бы быть сомнений в отношении принципиальной правильности введения преподавания в школах на родном языке для всех народностей СССР, и несмотря на решение ЦК КП(б) Таджикистана, признающее необходимость этого в отношении памирских народностей, — вопрос о языке преподавания в школах и литературы для этих народностей практически еще не разрешен полностью и вызывает ряд сомнений среди работников просвещения, как в пределах Автономной Горно-Бадахшанской области так и в самом Таджикистане, а со стороны определенных элементов имеет место даже прямое сопротивление проведению этого мероприятия.

На причинах этого сопротивления в настоящей статье мы не будем подробно останавливаться.

Национальный вопрос принадлежит к числу тех вопросов, вокруг которых с особым ожесточением разворачивается классовая борьба, и вопрос о языке является одним из участков этой борьбы. Нелепо было бы даже предполагать, что байство и духовенство в АГБО не будет самым решительным образом бороться против превращения языков народностей Памира в орудие социалистического воспитания трудящихся масс. Не удивительно и сопротивление, оказываемое этому со стороны некоторых прослоек националистически настроенной таджикской интеллигенции. Эти настроения находят по вполне понятным причинам некоторый отклик даже и в среде партийного и советского актива Таджикистана и АГБО. Объясняется это, с одной стороны, в значительной мере, незнанием действительного положения вещей в отношении языков памирских и других горских народностей Таджикистана, с другой — мнением, будто языки их представляют собой говоры мало отличающиеся от таджикского языка, что численность всех этих народностей вместе взятых очень невелика (не достигает и 10 тысяч) и что они фактически уже почти утратили свой язык, и будто бы таджикский язык для них является языком повседневной жизни.

В значительной мере путанице этой содействуют следующие моменты:

1) Народности эти, за исключением ягнобцев, сами называют себя таджиками, а язык свой таджикским; причем на Памире таджикский язык в собственном смысле называется персидским (parsi). Это положение получило свое отражение и в материалах демографической переписи 1926 года. Так, в предисловии к предварительным итогам переписи, изданным ЦСУ Узбекистана, учтены только языки ягнобский и язгулямский, в отношении же языков собственно Памира сказано, что они не сохранились и население говорит по-таджикски, а следом существования этих языков являются только названия волостей (Шугнан, Рушан и др.). Это утверждение, совершенно искажающее действительное положение, может быть объяснено только безграмотностью руководителей переписи в АГБО. В действительности как раз языки АГБО наименее подверглись влиянию таджикского.

2) Эти народности, за исключением ягнобцев, при переписи 1926 г. не выделялись в пределах АГБО, по выше указанной причине, и зарегистрированы все таджиками и только отдельные их представители вне АГБО отмечены переписью. Отсюда представление о их чрезмерной малочисленности.

3) Литература о памирских языках хотя и существует и ни один из них нельзя считать совершенно не изученным (хотя все изучены недостаточно), но литература эта помещена в специальных мало читаемых не-специалистами изданиях Академии Наук, а большая часть ее в иностранных изданиях, совсем мало доступных для советского читателя.

Сведения о памирских языках имеются в статьях И. И. Зарубина в изданиях Академии Наук СССР, в его работе «Орошорские тексты» (труды Памирской экспедиции Академии Наук, выпуск V), в статье его в № 1 «Восточных записок» изд. ЛИЖВЯ и в его работе о мунджанском языке (сборник «Иран» т. I).

Кроме того описание шугнанского и ваханского языков имеется в работе Geiger о памирских диалектах, помещенной в «Grundriss der iranischen Philologie»; см. также Томашека «Памирские этюды» (на немецком языке), работы Morgentierne (Notes on Shughni), Grierson и др.

В настоящей статье на основании известных нам литературных данных и личных наблюдений попытаемся дать представление о действительном положении дела, чтобы помочь, по возможности, избежать в практической работе, в этом направлении, возможных ошибок.

Цифровые данные, приводимые в этой статье, определены на основании данных переписи 1926 г., причем численность ягнобцев и язгулямцев определена на основании имеющихся в итогах переписи сведений о числе говорящих на этих языках. В отношении же языков собственно Памира (АГБО) мы пользовались исчислением населения тех административных единиц, где эти языки являются языком подавляющего большинства населения, внося некоторые поправки на осно-

вании личных сведений о численности в них иноязычного населения (исчисляемого в большинстве случаев десятками и единицами).

Всего в Таджикистане насчитывается восемь горских народностей, говорящих не по-таджикски и представляющих более менее значительные и компактные группы, каждая в отдельности. Народности эти следующие: 1) ягнобцы, 2) язгулямцы, 3) рушанцы, 4) бартангцы, 5) орошорцы, 6) шугнанцы, 7) ишкашимцы и 8) ваханцы. Из этих народностей шесть живут в пределах АГБО, (рушанцы, бартангцы, орошорцы, шугнанцы, ишкашимцы и ваханцы), язгулямцы — в прилегающем к АГБО Дарвозском (Калаи-Хумбском) районе Таджикской ССР, а ягнобцы — в Захмат-Абадском районе ТССР¹. Кроме того рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы и ваханцы населяют пограничные с советским Памиром области Афганистана, отделенные от АГБО только рекой Пянджем.

Самая крупная из этих народностей — шугнанцы.

По данным переписи 1926 г. численность населения Шугнанской волости определяется в 12.641 чел. Таким образом, если отбросить инонациональное население этой волости, численность шугнанцев может быть определена приблизительно в 12.000 (скорее с преуменьшением).

Кроме того в пределах афганского Шугнана — шугнанцев приблизительно столько же, а вероятно и больше (крупнейшие кишлаки Шугнана принадлежат Афганистану). Таким образом общая численность шугнанцев может быть определена примерно в 25 тысяч человек.

Население Рушанской волости исчислялось в 5.465 чел., из которых рушанцев не менее 5.400. В афганском Рушане рушанцев приблизительно 2—3 тысячи, т. ч. общая численность рушанцев определяется тысяч в 7—8.

Население Бартангской волости, сплошь состоящее из бартангцев и орошорцев, исчислялось в 2.737 чел. (определить количество бартангцев и орошорцев в отдельности, вследствие отсутствия под руками покишлачных данных, не представляется возможным).

Ишкашимцы населяют сплошь два кишлака — Сумджин и Рин и половину кишлака Нют Ишкашимской волости и приблизительно их численность может быть определена в пределах АГБО в 500—600 человек. Значительно больше ишкашимцев в афганском Ишкашине, где их насчитывается несколько тысяч.

Население Ваханской волости по переписи 1926 г. определялось в 3.842 чел., из коих ваханцев не менее 3.700, а население кишлака

¹ Таким образом ягнобцы не относятся к числу собственно «памирских» народностей, и включение сведений о них в настоящую статью обусловлено только желанием дать полный обзор всего не говорящего по-таджикски горского населения Таджикистана.

Наматгут Ишкашимской волости, где тоже проживают ваханцы, исчислялось в 318 чел. Таким образом всего ваханцев в АГБО около 4.000 и в 1½—2 раза больше их в афганском Вахане, т. ч. всего ваханцев в 10—12 тысяч. Кроме того довольно значительные колонии ваханцев имеются в китайском Туркестане (Сары-Коль) и в Канджуге (Индия).

Численность ягнобцев и язгулямцев определяется округло в 2.000 чел. каждая народность.

В АГБО население, говорящее памирскими языками, составляет не менее 80%. Языки всех этих народностей причисляются к иранской группе языков, и действительно даже если отбросить многочисленные таджикские элементы, имеющиеся в этих языках (термины религиозного культа, отвлеченные понятия), и общие всем языкам Средней Азии арабские слова, — и то словарь этих языков может быть сближен с таджикским языком. Однако эта близость не достаточна для неполного даже понимания, и разница между любым из памирских языков и собственно таджикским или персидским не меньше разницы между английским и немецким языками.

Очень резко различия от таджикской и звуковая система этих языков (за исключением ягнобского), отличающаяся чрезвычайным богатством, сближающим эти языки с языками Кавказа.

Между собой эти языки также несомненно родственны, однако не в одинаковой степени. Особняком от всех них стоит ягнобский язык.

Языки ваханский, язгулямский, ишкашимский и шугнанский отличаются друг от друга настолько сильно, что взаимное понимание говорящих на них не возможно совершенно, и разница между ними больше чем различия между отдельными славянскими языками. Что же касается языков шугнанского, рушанского, бартангского и орошорского, — то они настолько между собой близки, что взаимное понимание не встречает препятствий.

Степень употребления таджикского (порси) языка среди горских народностей Таджикистана — весьма различна. Почти все ишкашимцы в АГБО говорят по-таджикски совершенно свободно, что и понятно так как они живут в таджикском окружении.

Среди ваханцев таджикский язык распространен в меньшей степени. Понимают его почти все взрослые, но почти все женщины и даже часть мужчин говорят по-таджикски плохо, с затруднением. В Ягнобе и Язгуляме таджикский язык знают примерно в той же мере, что и в Вахане, быть может даже немного лучше; однако ни в Вахане ни в Ягнобе, ни в Язгуляме таджикский язык не стал языком повседневного обихода. Вполне хорошо его знает только незначительная часть, и то преимущественно из среды байства и духовенства. В еще меньшей мере распространено знание таджикского языка в Шугнанах,

где большинство женщин и много мужчин по-таджикски не говорят, а в Рушане и особенно в Бартанге знание таджикского (порси) языка является чуть ли не монопольной привилегией духовенства.

Даже в настоящее время, когда школа охватила значительные массы молодежи, и несмотря на то, что языком преподавания в школе является таджикский, даже среди учащихся школ таджикский язык не стал языком быта.

Приведенные данные с достаточной ясностью показывают, что языки Памира не являются говорами таджикского языка, что поглощение их таджикским языком в ближайшее время не вероятно, ввиду их территориальной изолированности, что численность большинства из перечисленных народностей не представляет препятствия для превращения их языков в литературные.

В отношении шуганцев и ваханцев сомнений быть, по нашему мнению, не может. Уже и в настоящее время в СССР народности, численностью не превосходящие шуганцев (горские и среднеазиатские евреи) и в большей мере двуязычные, имеют уже письменность на родном языке.

Но и ягнобцы и язгулямцы, хотя численность каждой из этих народностей и не превышает 2.000, живут в замкнутых горных долинах, поэтому по нашему мнению и для их вовлечения в социалистическое строительство превращение их языков в письменные сыграет большую роль.

Что касается рушанцев, орошорцев и бартангцев, то ввиду большой близости их языков к шугнанскому, для них и для шуганцев на данном этапе может быть принят один литературный язык, и в основу его должно быть положено шугнанское наречие, как наиболее распространенное.

В отношении ишкашимцев, ввиду их малочисленности на территории СССР и двуязычия, в настоящий момент можно сохранить существующее положение, т. е. оставить языком преподавания таджикский, но перспективу превращения этого языка в литературный иметь надо, учитывая афганский Ишкашим, где численность ишкашимцев значительно больше.

Другой вопрос в отношении ближайшей будущности этих языков и той степени, до которой может развиваться на основе их культура. Весьма вероятно, что например для язгулямцев и ягнобцев введение преподавания в начальной школе на родном языке послужит ступенью к более быстрому сближению и слиянию их с таджиками.

В отношении же языков шугнанского и ваханского вероятно их самостоятельное развитие. Несомненно однако, что введение в школу и литературу этих языков будет огромным толчком к ускорению культурного развития этих народностей и будет способствовать изжитию их изолированности и сближению их с остальными народами СССР.

В ближайшее время, по нашему мнению, должны быть проведены следующие мероприятия:

В отношении шугнанского языка — первые шаги Наркомпросом Таджикистана и Таджгизом уже сделаны: издан букварь для детей, издается букварь для взрослых и арифметика.

Необходимо улучшить качество изданий и в первую голову заказать шрифт, так как до настоящего времени издания печатаются цинкографским способом, и расширить издательскую деятельность. Готовые кадры из среды шугнанцев найдутся и сейчас, надо усилить внимание их подбору.

В отношении ваханцев необходимо сейчас же приступить к подготовке культурных кадров, к разработке проекта алфавита и составлению учебников.

Несмотря на недостаток культурных сил из среды ваханцев, все же наличные силы уже позволяют кое-что сделать.

В отношении ягнобцев и язгулямцев дело обстоит хуже. Культурных кадров совсем нет. Поэтому здесь основной задачей является развертывание сети школ пока на таджикском языке, подготовка кадров и изучение этих языков для того, чтобы через 2—3 года преподавание в начальной школе перевести на родной язык.

Все эти мероприятия, конечно, сопряжены с трудностями, главной из которых является недостаток культурных кадров. Однако эти трудности вполне преодолимы и должны быть преодолены.

Таблица памирских народностей и языков.

Народность	Численность	Район расселения	Литературный язык (которым должна обслуживаться данная народность)
1. Шугнанцы . . .	25 тыс.	АГБО (12.000) Афганистан (несколько более)	Шугнанский
2. Рушанцы . . .	7½ тыс.	АГБО (5.400) Афганистан (около 2 тыс.)	Шугнанский
3. Бартангцы } . . .	2¾ тыс.	АГБО	Шугнанский
4. Орошорцы } . . .			
5. Ваханцы	10—12 тыс.	АГБО (4.000) Афганистан (6—8 тыс.)	Ваханский
6. Ишкашимцы . .	5—6 тыс.	АГБО (500—600) Афганистан (около 5 тыс.)	Таджикский (в отношении советских ишкашимцев, которые полностью двуязычны)
7. Язгулямцы . . .	2 тыс.	Дарвозский район Тадж. ССР	Язгулямский (на ближайшие годы—таджикский)
8. Ягнобцы	2 тыс.	Захмат-Абадский район Тадж. ССР	Ягнобский (на ближайшие годы—таджикский)